

Татьяна Алюшина

Двое
на краю света

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина
Двое на краю света

«ЭКСМО»

2013

Алюшина Т. А.

Двое на краю света / Т. А. Алюшина — «Эксмо», 2013 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-66370-5

Дикая красота Арктики пленила сердце молодой фотохудожницы с необычным именем Павла. Девушка твердо решила, что войдет в состав экспедиции, отправляющейся на ледяной континент, любой ценой. Но могла ли она подумать, что именно там, на краю света, она найдет и свою любовь?..

ISBN 978-5-699-66370-5

© Алюшина Т. А., 2013

© Эксмо, 2013

Татьяна Алюшина

Двое на краю света

А все мой характер!

Наградил же господь! На родителей не грешу – за ними что-то не замечалось таких тяжелых проявлений, хотя своих заморочек у обоих хватает с лихвой, особенно у маменьки, с ней вообще все сложно и запущенно, не в пример рациональному и уравновешенному папеньке. Может, конечно, от дедушек-бабушек что перепало, утверждать или отрицать не возьмусь, ибо не знаю определенно, но один дед Платон Миронович чего стоит – известный архитектор и гулаговский сиделец, тоже, по-видимому, отсутствием характера не страдавший, раз и выжить смог, и снова подняться до должностей и званий.

Но, предки ли или боженька и ангелы-хранители расстарались, уж не знаю, кого и «благодарить», но досталась мне парочка уютных черт характера, с которыми житья простого и спокойного нечего и ждать и надеяться! И уж намаялась я с ними, будьте уверены!!

И все начинается с простого, казалось бы, незатейливого моментика – когда вдруг, якобы невзначай, часто просто мимоходом зацепит какая-то мысль или что-то произведет на меня сильное впечатление – да что угодно: чьи-то слова, рассказ, картинка, фильм, фотография, или прочитаю что-нибудь интересное – и все!

Пиши пропало!

Так я в это впечатление-мысль впадаю, как в наваждение, и только об этом навязчиво и неотступно думаю, и постепенно начинаю изыскательские работы по данному предмету такой интенсивности, что впору рудокопом заделываться – я б стране той руды накопала, завались!! Таковую б родине добычу полезных ископаемых устроила, только держись да разгребай!

И не успеваю оглянуться, как изыскательно-копательные работы превращаются в некое сформировавшееся решение и в конкретное дело, которым – осмыслишь: батюшки! – да я уже со всем энтузиазмом занимаюсь и вся в нем по уши, как в омут водяным безысходно и неотвратимо за ноги утащена, расплачиваясь за собственную беспечность и неумное любопытство!

И вот этот момент наступает самое время для проявления упомянутой мною выше второй черты характера, неизменно сопутствующей первой, – тяжелой формы упертости! Можно считать, хронической! Явно что-то с головушкой не так...

А именно: если уж я влезаю в какое-то дело, в работу, идею, то я доведу это до конца, чего бы мне это ни стоило! Вот хоть потоп! Хоть трава не расти и гуси все передохли!

И пусть даже где-то в середине пути становится совершенно очевидно, что это никчемная или странная затея, или мне уже неинтересно и я наперед знаю, чем и как все завершится, и уже тягостно до оскомины от самого этого дела, и окружающие уговаривают бросить, приводя массу правильных аргументов, – ни фиги! Я в любом случае доведу то, чем занялась, до конца!

Ну, не все так мрачно и печально, как может показаться из моего сетования, есть в этом и позитивные стороны. По крайней мере, мне никогда не приходится гадать – а что бы получилось, если бы я не бросила это дело и все-таки довела бы его до логического конца, и какие результаты я бы получила.

Результаты я получаю всегда, позитивные или негативные – другой вопрос. Но, ребята, какая же это засада – упираться и каждый раз доводить задуманное до завершения! Особенно когда не сильно уверена, скажем так, в рациональности своего решения и поступков и во весь рост перед тобой встает вопрос: а на кой ляд тебе это сдалось и, мама дорогая, чем это закончится?

Не всегда розами и шоколадом, сообщу я вам, далеко не всегда! Но вот что удивительно – еще ни разу я не пожалела о тех идеях и делах, которые воплотила в жизнь. Любой результат странным образом оборачивался мне лишь на пользу, даже самый, казалось бы, негативный.

Но все когда-нибудь случается первый раз!

И что-то подсказывает мне, что вероятность наступления именно этого «нестрахового» случая весьма велика и реально маячит неприятностями разного рода, ибо задуманное мной на этот раз иначе как аферой не назовешь!

А начался мой мозговой и эмоциональный клинч с одной фотографии, которую я случайно увидела у коллеги в его ноутбуке, когда нам пришлось работать вдвоем над одним проектом.

Я просто не могла от нее оторваться, так она меня захватила и поразила. Это была работа Поля Никлена из журнала National Geographic, из его книги «Полярная одержимость», куда вошли сто шестьдесят фотографий, сделанных им в Арктике и Антарктиде.

Все! Я поплыла на этой книге и на этих снимках! Потрясающей силы и красоты работа! И так меня это захватило, что я перелопатила весь Интернет и какую только возможно печатную полиграфию, из нескольких стран книги посылками заказывала, которых у нас не найти, и накопила сотни и сотни снимков разных авторов, сделанных за Полярным кругом.

Я просто пропала в этой теме!

Ну ладно, ну хорошо, захватила девушку с головой идея самой поснимать пейзажики, скажем, за Полярным кругом, ну вот такой каприз, и что? Казалось бы – вперед, раз так уж приперло! Ага. Мне же не в Якутск и не на полуостров Таймыр припекло путешествовать, куда тоже не сел да приехал, а еще много усилий приложить требуется, чтобы организовать такую поездочку. Но ведь мне где похолодней подавай, где дикая, до ледников тысячелетних, природа, поближе к Северному полюсу.

А вы много знаете туристических агентств, в которых можно приобрести тур на Северный полюс? Нет, есть и такие, я узнавала, и за милую душу – только на вертолете до него самого, Северного, и обратно или до островов арктических, есть и такие высадки. Попрыгал у флага, сфоткался, на видео снялся – и уже полярник!

Стоит, я вам скажу, до черта, но, видимо, удовольствие от самолюбования собой смелым и геройским в качестве крутого путешественника окупаются. Фотку в рамочке на видное место и во время застолья гостям видео прокрутить с подвигом своим.

А мне бы на кораблике подольше, да к каким-нибудь островам арктическим... Да не на денек, посмотреть и все! Как вам задумочка, а? С претензией, согласитесь.

Но, увы, с характером не поспоришь – раз пришла такая бредятинка в голову и уперлась там, требуя реализации, придется что-то придумывать! Мы ж мелко не плаваем!

И вот тогда-то первым пунктом, во весь свой выше среднего рост, встала кандидатура одного господина, известного мне только по рассказам сестры, больше по причине его профессиональной принадлежности, а именно – работы в Научно-исследовательском институте Арктики и Антарктики, хотя далеко не только поэтому я вспомнила о нем.

Почему именно он? Есть одна очень весомая и значимая причина, потом расскажу. И хоть знакомство с ним могло принести лично мне массу неприятностей и непредсказуемых последствий, мне очень хотелось посмотреть на него вживую, так сказать понять, что за человек.

А может, мое сознание так лукавит? И идея с Арктикой уже витала вокруг меня в воздухе именно из-за этого персонажа, а вовсе не из-за фотографий? Ведь последнее время я все чаще задумывалась о нем, о его жизни вообще...

Ладно, это из области личного и туманного, больше основанного на непростых вопросах без ответов.

Главное, что он имел непосредственное отношение к арктическим экспедициям. И, что еще более важно, я выяснила, что такая вот серьезная научная экспедиция уже снаряжается и должна отправиться через три недели!

Мама дорогая!! И что, вы там без меня плыть собрались?! Ну нет, я с вами!

И я тараном пронеслась через знакомых, друзей, их знакомых, находя нужные связи, через кабинеты разных министерств и главных редакторов парочки известных журналов. И оглянуться не успела и дух перевести, как вот уже стою в большом конференц-зале в ожидании заявленной пресс-конференции.

Сама от себя и от своей шумовой затеи по колено в шоке!

И только сейчас, перед началом заявленного мероприятия, я до конца осознала, что уже натворила, и что еще собираюсь сделать, и где сейчас между этими двумя действиями я нахожусь!

В Питере, в конференц-зале института, где с минуты на минуту начнется встреча с прессой и представителями научных сообществ руководителей, чиновников Минприроды и организаторов арктической научной экспедиции, к которой я собираюсь присоединиться всеми правдами и неправдами тоже.

Да просто зубами вцепиться!

Вот теперь точно: мама дорогая!!

– А почему так много народу? – вслух озвучила я свое удивление, неизвестно к кому обращаясь.

Потому что только сейчас отметила тот факт, что помимо прессы и телевизионщиков с камерами и осветительными приборами в первых рядах зал был не просто переполнен, а набит под завязку – люди сидели на дополнительно принесенных стульях, стояли в проходах и вдоль стен, толпились в распахнутых дверях. И все посматривали на возвышающийся на сцене и пустующий пока президиумный длинный стол, утыканный микрофонами, бутылками с водой и высокими стаканами.

– Так ведь Краснин будет вести конференцию и отвечать на вопросы, – пояснил неизвестный молодой человек, стоявший справа от меня, в этой сутолоке оказавшийся совсем близко, уже даже где-то притираясь ко мне плечом.

– И?.. – больше выражением лица попросила я дальнейших разъяснений.

– Вы что, ничего не слышали о Краснине? – отчего-то удивился мальчик.

Наверное, все-таки мальчик, лет девятнадцати, не больше.

– Только общую информацию, – прояснила я степень своей осведомленности о данном господине. – Геофизик, доктор наук, работает в институте Арктики и Антарктики и еще преподает в Горном университете. В этой экспедиции первый заместитель начальника, ну и все остальное официальное.

– Значит, вы ничего не знаете о Красне! – разулыбался практически счастливый пацан.

– А Крас, как я понимаю... – поторопила я.

– Да, мы его так называем, – радостно принялся пояснять мальчик. – Ну, в смысле его студенты. – И переспросил с некой долей подозрения: – А вы журналистка? – и кивнул на фотоаппарат, висевший у меня на шее.

– Ну что-то вроде, – туманно отозвалась я.

– И что, действительно о нем ничего не слышали?

Я покрутила головой из стороны в сторону, вызывая в парне сразу два трудно сочетаемых чувства – некую обиду и удивление такой моей неосведомленностью и жгучее желание рассказать о великих достоинствах своего учителя.

– На Краснина ходят, как в кино или в театр на имя великого известного актера. На его лекциях посещаемость сто двадцать процентов, а то и больше, потому что приходят слушать студенты с других факультетов, и преподы, и аспиранты. На Краснина даже в институт поступают.

– Это в каком смысле? – как-то не сразу поняла я такой оборот речи.

– В том смысле, что многие абитуриенты стараются поступить в универ именно на наш факультет, чтобы попасть конкретно к Краснину, он же не только разведочную геофизику преподает, он и курс геологии и геофизики читает.

– Это, конечно, замечательно, но что же в нем такого исключительного? – усмехнулась я, видя такую увлеченность студентика своим преподавателем.

– Так и не объяснишь, – засмутился неожиданно молодой человек своей излишней восторженности. – Он умеет так рассказывать и преподавать свой предмет, что влюбляешься в науку. Не знаю... – окончательно стушевался парень.

Даже зарделся от смущения немного – вот честное слово! И кивнул в сторону сцены, куда начали один за другим подниматься и устраиваться за столом ожидаемые всеми официальные лица.

– Сейчас сами все услышите и поймете, – пообещал парень.

А я уже о парнишке забыла – рассматривала с пристрастием, как только что выяснилось, весьма знаменитого господина Краснина.

Он был выше среднего роста, худощавый, подтянутый, мускулистый – ну еще бы! Судя по той информации, которую я накопила о нем в Сети, каждое лето он проводит в научных экспедициях, больше двадцати раз был на Северном полюсе. В том числе несколько раз, как считается у настоящих полярников, в «правильном», то есть истинном достижении полюса – начиная с «земли», от любого берега пешочком, на лыжах и собачьих упряжках, от «земли», как они это называют. А не на корабликах и вертолетах – это среди специалистов и достижением полюса не считается, так, туристическая прогулка.

А при подобном времяпрепровождении спортивная фигура подразумевается как-то сама собой, хотя, может, гражданин и штангой балуется. Ну, не суть, вернемся к внешности, так интересовавшей меня. Между прочим, действительно сильно интересовавшей, но о причинах такого жгучего интереса я потом как-нибудь.

Я подняла камеру к глазам, настроила оптику на приближение картинки и рассматривала его через объектив весьма подробно.

Итак: мускулистый, высокий, подтянутый, внешность приятная, но спокойная, в том смысле, что не красавец писанный, далеко не красавец, но интересный мужчишка, даже с некоторой харизматичной мужественностью в чертах лица. Не длинные, но и не короткие волосы, вполне приличная, даже где-то стильная стрижка, улыбка приятная, тут уж ничего не покрикуешь – приятная улыбка. А взгляд задорный, молодой, с чертинкой в темно-зеленых глазах. Краснин вообще выглядит моложе своих тридцати семи лет.

Пока я рассматривала господина ученого, пресс-конференция уже началась и покатила своим ходом.

– Добрый день, господа и дамы, – сказал начальник пресс-службы института, дождался наступившей после его приветствия тишины в зале и представил поименно всех сидевших за столом, в конце речи передал слово начальнику экспедиции.

Начальник экспедиции, профессор Олег Александрович Трофимов, интересный мужчина, где-то около шестидесяти лет, позитивный, улыбчивый, сразу и безоговорочно располагающий к себе человек, объявил название экспедиции, сообщил, под чьим патронажем и с какими задачами она проводится, и передал слово своему заму:

– Подробно о целях, задачах и маршруте экспедиции расскажет Павел Андреевич Краснин, – и Олег Александрович откинулся на спинку стула с явным и нескрываемым намерением с удовольствием послушать, что скажет его заместитель.

– Добрый день, – принял эстафету господин Краснин, обвел аудиторию взглядом и с улыбкой поинтересовался: – А есть ли среди собравшихся такие, кто мало что знает об Арктике или не знает о ней вообще ничего, кроме самых общих сведений? Если есть, поднимите, пожалуйста, руки.

Я, как и все в зале, активно покрутила головой, выглядывая поднятые руки, которых, надо заметить, было совсем немного, единицы. Ну что ж, и я подняла руку, честно присоединяясь к отряду незнающих.

– Рад, что вас мало, господа, – обаятельно улыбнулся Краснин. – И тем не менее именно для вас, а заодно и для тех телезрителей, которые будут смотреть репортаж о конференции и тоже мало знакомы с предметом нашего изучения, я вкратце расскажу об этой загадочной части нашей планеты.

Он поднялся из-за стола и подошел к громадной карте, висевшей на «заднике» за спинами сидевших в президиуме. На карте была изображена в максимальных подробностях очерченная Полярным кругом Арктика.

Краснин к выступлению у карты оказался заранее подготовлен: на лацкане его пиджака уже закрепили маленький микрофон, поэтому и слышно его было отчетливо даже здесь, на дальних рядах, где я и устроилась, увы, среди стоявшей публики, ведь все сидячие места были заняты задолго до начала конференции.

Кстати, я успела отметить, что на сумасшедшего ученого, погруженного только в свою науку и оторванного от реального мира, немного презирующего и игнорирующего такую низменную вещь, как быт, господин Краснин никак не походил. Он был хорошо и достойно одет в явно не дешевое шмотье с китайских рынков, а очень даже приличные вещи довольно известных марок. Даже так! Но особенно бросилось мне в глаза то, что и брюки, и легкий летний пиджак, и даже белая футболка под ним были идеально отглажены. И кто тебе наглаживает, интересно?

Взяв со стола длинную указку, Краснин вдруг посмотрел в зал, словно пристально вглядывался в каждого присутствовавшего, но длилось это всего пару мгновений, после чего он улыбнулся... не то таинственно, не то приглашая присоединиться к его знаниям, интригуя, что ли.

– Арктика получила свое название от греческого слова *arktos* – «медведь», но связано это не с прозаичным мишкой, а с загадочным созвездием Большая Медведица и его самой яркой Полярной звездой. Если мысленно продолжить ось вращения нашей Земли, то на ней и находится Полярная звезда, и на протяжении всего года она всегда располагается в зените над Северным полюсом. Поэтому если вы смотрите на небо с Северного полюса, то вам видится единственной неподвижной Полярная звезда, а все остальные звезды огромным черно-серебристым куполом как бы вращаются вокруг нее. Величественное зрелище, скажу я вам... Но проводить этот эксперимент не рекомендую, ибо увидеть звездное небо Арктики возможно только полярной зимой, а температура в это время там опускается ниже минус шестидесяти градусов. Так что просто поверьте на слово...

По залу прошелестел дружный легкий смешок...

– И как бы прекрасно ни было это зрелище, но, увы, мы все понимаем, что это мы с вами вращаемся вместе с нашей Землей, а небосвод остается неподвижным. Таким образом, Полярная звезда всегда указывает на север. Зная это, древние греки и дали название далекому северу – Арктика. Ну а Антарктида, как вы понимаете, происходит от того же корня и обозначает «анти-арктика». На Северном полюсе нет сторон света – везде юг, а на Южном, соответственно, компас показывает только на север. Итак, вот она перед вами, Арктика, – он махнул рукой на карту и медленно обвел окружность, очерчивающую ее границы. – Расположена в пределах Полярного круга, проходящего по шестьдесят шестому градусу, тридцати трем минутам и сорока четырем секундам северной широты, имеет площадь двадцать семь миллионов квадратных километров. Включает в себя районы Евразии, Северной Америки и воды Северного Ледовитого океана. В нее входит так называемая группа восьми «арктических» государств, то есть тех, которые имеют территории, расположенные выше Полярного круга, а именно: Россия, США, Канада, Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция. Материковая часть

Арктика представляет собой тундру, иногда встречаются возвышенности и невысокие горы. А вот арктические острова практически все скованы льдами. На Новой Земле и Северной Земле ледниковые шапки занимают больше половины площади, а Гренландия на девяносто процентов покрыта ледниками, такая же ситуация на Земле Франца-Иосифа и Шпицбергене. Ну и, наконец, центр Северного Ледовитого океана скован постоянно дрейфующими льдами. Если вы внимательно посмотрите на карту, то отметите, что самые большие арктические территории принадлежат России, что налагает на государство определенную ответственность и создает большие вызовы, как научные, так и геополитические. Кстати. Для поддержания в вас патриотической гордости за державу сообщу один факт, если вы о нем не знаете. В две тысячи седьмом году состоялась уникальная научная экспедиция, во время которой были проведены впервые в мире и в истории длительные исследования морского дна Ледовитого океана в батискафе русскими учеными. Ну а напоследок они установили на океаническом дне государственный флаг России на глубине четыре тысячи пятьсот метров, в географической точке Северного полюса. Вот такой «поцелуй» с приветом.

Дружный хохот зала и легкие смешки и улыбки более сдержанных по статусу господ, председательствующих за столом на сцене.

– Для того чтобы объяснить цели и задачи нашей экспедиции, надо сказать об особенностях арктических островных образований, которые мы собираемся исследовать...

Я была потрясена! Даже немного растерялась как-то!

Что он творил с аудиторией!!

Ровно через пять минут после начала выступления Краснина зал был его! Весь, полностью, до единого человека! Его слушали с замиранием, не сводя глаз, дыша с ним в одном ритме, одним дыханием, улыбаясь, смеясь, проникаясь важностью информации, которую он сообщал!

Весь, до потрохов! Зал! Был! Его!

Несомненно, господь одарил господина Краснина ораторским талантом, но не только это производило на людей такое сильное впечатление и какое-то магическое действие, хотя имел значение и этот дар, разумеется, и то, что Краснин обладал великолепным, насыщенным, с обертонами и полутонами, поставленным от природы голосом, которым владел в совершенстве.

Но самое главное – Краснин любил абсолютной, чистой и безусловной любовью дело своей жизни! И это было видно и понятно без вопросов. Это стало частью его самого, и когда он рассказывал аудитории о своем научном предмете, то словно делился с вами своими чувствами, переживаниями, откровениями и любовью! У него глаза горели, когда он говорил, он излучал какую-то искрящуюся радость бытия и невероятную энергию! А его речь, пересыпанная тонким искрометным юмором, искренностью и некой даже интимностью, которой он делился, казалось, с каждым присутствующим в отдельности, завораживала, словно ты становился причастным к каким-то невероятным тайнам и открытиям.

Фантастика! Он мог бы, если б захотел, жонглировать аудиторией, делать с ней что угодно, хоть в бой посылать, или покорять его любимым Северным полюсом на одних лыжах без снаряжения и провианта. И пошли бы!

Но Павлу Андреевичу Краснину было угодно только одно – поделиться с миром и этими конкретными людьми в зале своей влюбленностью в Арктику, рассказать, насколько увлекательна и интересна его наука – геофизика, заразить их увлеченностью исследователя, побуждая к изучению ее слушавших его людей.

Честное слово, мне прямо самой захотелось немедленно начать изучать все-все про эту Арктику и уже таскаться по ней хоть на лыжах, хоть без лыж, хоть на кораблике, хоть на лодке с веслами, хоть вообще строем с добровольцами по ледникам шагать!

Пришлось даже головой тряхнуть пару раз, чтобы немного выйти из этого состояния увлеченности. Я посмотрела на соседа, того самого мальчика-студента, который тщетно пытался мне объяснить то, что происходило здесь и сейчас.

Да уж, такое не расскажешь, я с ним согласна, это надо самому увидеть, услышать и прочувствовать. Мальчик, кстати, был полностью там, в ораторе на сцене, в данный момент рассказывающем о маршруте экспедиции. Я снова навела объектив и приблизила облик Павла Андреевича, уже совсем с другим эмоциональным настроением рассматривая его.

Так вот ты какой, северный олень!

Теперь мне стало абсолютно понятно, что так увлекло мою сестру в нем. Увлекло до такой степени, что она впервые в жизни сама проявила инициативу и вообще много чего наделала впервые в жизни...

Разумеется, я была необъективна и пристрастна к Павлу Андреевичу Краснину, и у меня для этого имелись весьма значимые и весомые причины. И для того чтобы сохранять трезвость оценки, причем, по возможности, справедливой оценки этого человека, мне приходилось постоянно повторять себе, что он не сделал ничего плохого ни лично мне, ни моим близким, а скорее даже наоборот. Но нечто, не поддающееся логике, все время сбивало меня на неосознанную критику в его адрес и даже легкую степень защитного надменного превосходства. Черт-те что!

А мне еще предстоит убедить этого человека в необходимости зачислить меня в члены экспедиции, а я тут психологию с выкрутасами развела! Вон и по внешности его мысленно прошлась, и про выглаженную одежду не забыла, даже снисходительно про мышцы добавила. Совсем я себя в руках не держу!

И пока я занималась этим самым удержанием себя в руках, Краснин подошел к завершающей части своей речи:

– Итак, как вы поняли, наша комплексная экспедиция – одна из самых продолжительных и объемных по научным задачам и объектам изучения из всех, что происходили последние годы. Она стартует из порта Архангельск на научно-исследовательском судне и отправится к острову Вайгач, где высадит группу ученых, которые останутся там до конца сезона для ряда научных исследований и экспериментов. Далее наш корабль проследует, – он вел указкой по карте, демонстрируя маршрут, – вдоль западного побережья Новой Земли, с заходом в Белую Губу и поселок Рогачево, а на острове Северный будет высажена еще одна группа ученых, оснащенных для проведения исследований ледника и прибрежной полосы. Следующая остановка – мыс Желания, который, как вам известно, является самой северной точкой и оконечностью Европы, а также местом, где встречаются Баренцево и Карское моря. Тем, кто не знает, сообщу, что в две тысячи девятом году правительством РФ был создан Национальный парк «Русская Арктика», расположенный на северной оконечности Новой Земли, а в десятом году в Национальный парк вошел и природный заказник «Земля Франца-Иосифа». От мыса Желания мы проследуем к Северной Земле, до острова Большевик, далее пройдем вдоль западной оконечности Северной Земли с остановками для проведения исследовательских работ. А от острова Шмидта, на котором тоже планируется остановка, проследуем к Земле Франца-Иосифа, а точнее, к острову Грэм-Белл, где также будет высажена для научных исследований группа ученых. Далее уже без «потерь» в научном составе...

Дружный смехок аудитории на реплику.

– ...мы совершим «круг почета» вокруг Национального парка и Федерального заказника «Земля Франца-Иосифа», с остановками на ряде островов, таких, как остров Рудольфа, Земля Александры, Земля Георга и нескольких иных островах и закончим исследования на острове Земля Вильчека. Откуда экспедиция вернется в порт Архангельска. Повторюсь: это одна из самых масштабных экспедиций с самым большим объемом научных исследований и задач. Но, знаете... – он положил указку на стол, подошел к краю сцены, поближе к слушателям, засунул

руки в карманы и доверительным, проникновенным тоном, чуть понизив голос, продолжил фразу: – Сколько бы экспедиций ни проводилось в Арктике, как бы ни развивалась наука и ни совершенствовалась аппаратура и методики исследований, позволяющие делать новые невероятные открытия, и как бы масштабно ни изучался этот край нашей земли, Арктика навсегда останется загадочной страной, с огромным количеством непостижимых тайн, невероятных гипотез, чудес и загадок. В чем-то даже мистическая, сакральная, во многом фантастическая и непреодолимо притягательная не только для ученых, но и для всех людей, кто имел неосторожность влюбиться в ее суровую красоту.

Зал замер, завороченный его поистине шаманским голосом! И на несколько секунд повисла абсолютная тишина! Не щелкали камеры репортеров, не жужжала телеаппаратура, создалось такое ощущение, что люди затаили дыхание...

Я держала Краснина в объективе камеры, когда он подошел к краю сцены, и увеличила, приблизила картинку. В тот момент, когда он произнес свои заключительные слова, выражение его лица сделалось каким-то одухотворенным, и произошло что-то еще... неуловимое, словно он знал нечто высокое, доступное лишь избранным, и светился этим знанием...

И я нажала на затвор камеры, прозвучавшей щелчками многокадровой съемки в этой тишине, словно серия выстрелов стартового пистолета... И зал, будто придя в себя от гипнотического транса, разразился аплодисментами.

Опупеть! Нет, ты не северный олень, Краснин, ты, блин, Верховный Жрец какой-то! Прямо зашаманил всех! Уф!

– Ну что, поняли, о чем я говорил? – посверкивая глазками, спросил меня студентик Краснина.

– Да, согласна, это явление, – порадовала я его своими впечатлениями.

– На то он и Крас, – тоном бывалого знатока поддержал авторитет учителя мальчик.

А я начала пробираться к выходу. Ответы на многочисленные вопросы журналистов и ученых, посыпавшиеся на Краснина и других участников президиума со всех сторон, мне слушать некогда. Мне надо занять стратегическую позицию и перехватить Олега Александровича Трофимова у выхода из зала через двери, ведущие со сцены, и предъявить им себя и свои «верительные грамоты» для получения заветного места на этом непрестом научно-исследовательском кораблике, начиненном кучей крутой аппаратуры и отправляющемся в дальнейшее плавание.

Однако неожиданно для себя я вдруг обнаружила у нужных мне дверей полный аншлаг ожидающих выхода руководящих особ, и прорываться через эту толпу не имело никакого смысла, да и возможности. Придется действовать по обстоятельствам. Ничего, не впервой, это я умею, по обстоятельствам-то.

Минут через пятнадцать обе створки дверей распахнулись и президиумные мужи начали выходить, продолжая какие-то разговоры между собой. Несколько барышень разноцветной стайкой окружили появившегося Краснина и, перебивая друг друга, принялись о чем-то сообщать доценту, или просить, или черт их знает, что им от него было нужно.

Я поначалу удивилась этой дамской активности, но тут же сообразила, что после такого магического действия, что он устроил со сцены (а по всей видимости, такие вот сеансы «одновременного» гипноза он вытворяет на каждой своей лекции), да при иных его неоспоримых достоинствах, как то: молодой, интересный, насколько мне известно, неженатый, Краснин просто обязан пользоваться повышенным спросом со стороны женщин.

Нет, ну а как может быть иначе! Это я тут немножечко сегодня торможу чего-то, не догоня очевидных вещей.

Да и ладно сто раз! Мне вообще-то не до этого, мне бы выхватить из этой толпы да заполнить Олега Александровича.

Ну а чего тут мудрить! Я довольно бесцеремонно растолкала всех и пробралась пред светлы очи Трофимова, слегка даже как-то ошарашив его своим стремительным и напористым прорывом и появлением.

– Здравствуйте, Олег Александрович! – бодрой пионеркой поздоровалась я и сразу приступила к сути: – Вам из Министерства образования должен был прийти запрос на включение меня в состав экспедиции.

– Да, да, – обрадовался Трофимов, видимо тому, что я не экстремистка какая, прорвавшаяся к нему через толпу со зловредными намерениями, например покалечить светило отечественной геологии, а вполне мирная дамочка, присланная из министерства. – Была такая заявка. У вас еще необыкновенное имя и фамилия запоминающаяся, как там?.. – покрутил он пальцами, пытаясь вспомнить мою «запоминающуюся» фамилию.

– Да, – только и подтвердила я, не желая прилюдно здесь представляться.

– Ну ладно. – Он так и не вспомнил. – Но, знаете, этими вопросами занимаюсь не я. – И оживился пуще прежнего, видимо на сей раз оттого, что ему не надо самому разбираться с энергичной дамой с министерскими связями, и бог ее еще знает, что у нее там за связи, и позвал Краснина: – Пал Андреич!

Краснин, извинившись перед мужчиной, с которым разговаривал в этот момент, настойчиво и целеустремленно пробрался через «оградительный» женский отряд, так и окружавший его, и быстренько подошел к нам с Трофимовым.

– Пал Андреич, ты помнишь, я тебе вчера отдал заявку на участие из Минобразования? – бодренько так, радостно обратился к нему Трофимов.

– Помню, а как же, – подтвердил с намеком эдаким Краснин.

Не иначе они с милым Олегом Александровичем прошли с сарказмом и по моему имечку с фамилией, и по заявкам шальным из министерства, пытающегося даже сюда пристроить своих протеже.

– Так вот эта барышня! – тем же радостным бодряком сообщил Трофимов. – Ты разберись с этим вопросом и сам все реши.

Краснин кивнул и перевел изучающий взгляд на меня, позволил себе несколько секунд легкого рассматривания и предложил:

– Идемте ко мне в кабинет, тезка, а то здесь нам поговорить спокойно не дадут.

Я кивнула, соглашаясь, и последовала за ним по коридору.

Ну да, я его тезка. И зовут меня Павла. Не спрашивайте!

За мою жизнь маманей было выдвинуто как минимум версий десять присвоения мне такого имени, всегда в некоем контексте с обстоятельствами ее жизни и работы. Я выбрала для себя две, как мне кажется, наиболее удачные. Но обе с нехилой претензией – одна в честь великой балерины Павловой, а вторая и того пуще – в честь святого Павла. Поверьте, все остальные еще кучерявее. Так что я остановилась на этих двух. А имя мое мне нравится, и потом я к нему привыкла как-то, да и с младенчества всегда была явно выраженной девочкой по многим признакам, поэтому мальчишескими кличками меня никогда не обзывали. И зря вы что подумали – не попастой и не грудастой вовсе, а маленькой, миниатюрной, белокожей, со светлорусыми кудряшками, завивающимися крупными локонами, с большими голубыми глазищами и алыми губками бантиком. Спутать меня с мальчиком не представлялось никакой возможности. И чего ее сподобило наградить меня мужским именем?

Это что, мою старшую сестру маманей назвала Глорией. В этом случае вообще без версий – Глория и все, я так захотела! Сестрица родилась в разгар московской Олимпиады восьмидесятого года, ну в этом, скорее всего, разрезе, что-то про «наши победы» и слава чему-нибудь. Если кто не знает, то Глория с латыни переводится как «слава». Но имя вразрез с сутью и характером сестры не шло, а ровно наоборот, весьма им соответствовало и подчеркивало ее уникальность.

Кажется, я отвлеклась.

Ну что ж, представляюсь – я Павла Александровна Шротт.

Фамилия от дальних предков, выходцев из Швеции, по крайней мере эта версия происхождения фамилии основная, остальные никто рассматривать не брался.

Кабинет, куда привел меня Краснин, оказался просторным и на удивление уютным, хоть и был весь завален какими-то папками, приборами, скорее всего геологического назначения, документами, образцами пород, сопутствующими канцелярскими принадлежностями. Но это не производило впечатления хаоса и нагромождения – все предметы и вещи находились на своих, если можно так сказать, логических местах, и нигде не торчали из папок в стопках неаккуратные листы бумаг, и книги стояли стройными солдатскими рядами, и на столе явно считывался строгий порядок, известный и удобный только хозяину.

Словом, кабинет настоящего ученого. На меня он произвел очень теплое, какое-то комфортное впечатление, навеяв ассоциации с детством, с загадкой и полной защищенностью. Почему-то именно так.

– Присаживайтесь, – указал мне на мягкий стул у стола Краснин, сам устраиваясь в большом уютном хозяйском кресле через стол; просмотрел небольшую стопку документов, лежавших справа от него, выдернул оттуда один лист, пробежал взглядом содержание и перевел глаза на меня.

– Итак, если я правильно понял, вы Павла Александровна Шротт, которую Министерство образования практически приказывает нам включить в состав экспедиции в качестве официального репортера-фотографа, который будет освещать ход экспедиции.

– Вы правильно поняли, – чинно согласилась я.

– Дело в том, Павла Александровна, – приступил он к явной отповеди довольно снисходительным тоном, с большим душевным удовольствием. То ли так ему Министерство образования душу намозолило, то ли я так не понравилась, но отказывать он взялся с чувством, – что вам вообще-то не ко мне, а в отделение «Высокоширотной арктической экспедиции» института. Оно, собственно, и организывает, и отвечает за все наши экспедиции, у них имеется целый научный флот, и они проводят до десяти экспедиций в год. Думаю, что в одну из них вы имеете все шансы быть зачисленной репортером-летописцем, так сказать.

– Наверняка, – согласилась я с таким предположением и, дежурно улыбнувшись, не дала порадоваться господину Краснину столь простому и легкому решению вопроса с навязанной ему извне дамочкой. – А эту экспедицию, как я понимаю, организываете вы и Трофимов. В таком случае вам надо просто внести меня в списки группы и все.

– Неправильно понимаете, – недовольно ответил Краснин немного напряженным тоном.

Ох, не любит этот дядечка, когда его к чему-то принуждают, факт. А что поделать, дорогой?

– Экспедиция инициирована лично президентом и правительством страны, – продолжил он приводить веские аргументы однозначного отказа, – и имеет весьма серьезные научные и государственные задачи. Отделение ВАЭ занимается организаторской работой, а Олег Александрович и я возглавили группу, потому что основная научная задача нашей экспедиции – геологические и геофизические исследования, я уже об этом говорил на конференции. И, к большому нашему спокойствию и радости, Министерство образования в этой ситуации ничего нам приказывать и требовать не может, тем более навязывать своих «блатных», уж извините, людей для их личного экзотического тура, так сказать.

– А оно и не навязывает и не устраивает мне, как вы изволили выразиться, личный тур. Министерство образования, в частности замминистра, вместе с Министерством по культуре, а также два известных журнала направляют меня на работу в качестве репортера, освещающего ход этой важной экспедиции. И просят, не приказывают, заметьте, а настоятельно просят

руководство экспедиции включить меня в состав ее участников, – мне казалось, очень мило пояснила я.

– Видите ли, Павла Александровна, – возвращаясь к первому варианту интонационных модуляций, а именно к снисходительному тону, ответил Краснин, – в состав экспедиции уже включена телевизионная группа Русского географического общества, а конкретно телеканала «Моя планета», которая будет заниматься именно этой задачей. К тому же большая половина наших ученых имеет превосходную фотоаппаратуру и умеет ею прекрасно пользоваться, как в научных, так и в документально-просветительных целях. Состав группы укомплектован, и необходимости еще в одном репортере нет, – перешел к концу отповеди на сухой деловой тон Краснин.

– Павел Андреевич, – я, в свою очередь, напустила на себя снисходительную убежденность, – вам проще согласиться и зачислить меня, чем вы сильно упростите наше с вами общение и сэкономяте время. Потому что я сейчас подниму своих знакомых и друзей, наведу шухер недетский, кто-нибудь из них обязательно найдет какой-нибудь выход и на правительство, если понадобится, или на того человека, кто может настоять на моем участии. И вам все равно придется меня брать, но при этом вы останетесь крайне недовольны и мной, и ситуацией в целом, а я буду раздражаться в ваш адрес. Мне видится это совершенно лишним при начинании столь интересного и важного дела. А вы как считаете?

Он откинулся на спинку кресла, порассматривал меня какое-то время с большим познавательным интересом во взоре и спокойным тоном, без игры и выпендрежа спросил:

– Вы были одной из тех, кто поднял руку, признаваясь в полном отсутствии знаний об Арктике, так почему тогда вы с таким упорством и настойчивостью пытаетесь туда попасть?

– Я стояла очень далеко, как вы могли меня рассмотреть? – удивилась я.

– У меня хорошее зрение, – мимоходом ответил он, явно недовольный сменой темы.

У него еще и зрение хорошее! Зоркий сокол ты наш! Ладно, вернемся к теме нашей «милрой» беседы.

– Я обязательно объясню, покажу и даже презентую вам тот предмет, из-за которого я загорелась идеей побывать в высоких арктических широтах. Вам понравится, уверена. Сделаю это, когда мы будем плыть к первому пункту назначения, острову Вайгач, насколько я помню. Я очень многое хочу узнать об этой вашей загадочной Арктике, и мне кажется, я выбрала самый удачный вариант для ее глубокого изучения: лучших ученых страны, которые специализируются именно в этой области, собранных в одном месте и в одно время, – улыбнулась я ему мило и открыто.

По крайней мере, я старалась улыбаться именно так. А получилось ли, непонятно, ибо господин Краснин продолжил какое-то время меня разглядывать, явно что-то обдумывая у себя там в ученой голове, потом вдруг резко изменил позу, оттолкнувшись от кресельной спинки, придвинулся к столу, переложил документ, касающийся меня, в общую стопку бумаг и чуть уставшим тоном вынес «окончательный диагноз»:

– Придется вам изучать этот предмет как-то иначе. В отделении ВАЭ лежат сотни заявлений на участие в экспедициях, сотрудники нашего института в очереди стоят, чтобы попасть туда, а студенты и аспиранты проходят сложнейший конкурс, и попадают к нам только лучшие из лучших. А вы решили, что вот так просто можно приехать из Москвы, «перетерев» там с крутыми знакомыми и друзьями, которые имеют выход на заместителя министра, – и в турпоездку фотографий поснимать, потому что приспичило. Группа укомплектована, и никаких вакансий давно не существует. К тому же часть исследований секретны, и поэтому все участники имеют государственные допуски, в том числе и телевизионщики, так что изначально у вас не было никаких вариантов попасть в эту экспедицию. А посему своих друзей вы потревожите напрасно. – И строго закончил аудиенцию: – Всего доброго, Павла Александровна, более не

задерживаю, – и отвернулся к открытому ноутбуку, стоявшему на столе, начав очень быстро набирать что-то на клавиатуре и с интересом разглядывать на мониторе.

– Простите, Павел Андреевич, – покаянно вздохнула я. – Но я все-таки предприму попытки и некие шаги, чтобы добиться своего. Уж извините, характер такой. А что касается секретности, то я прошла специальное собеседование и проверку, подписалась под целой кипой запрещающих бумаг и получила этот гадский допуск. Меня заранее о нем предупредили. Кстати, и все остальные необходимые документы у меня в порядке. В том числе и все медицинские справки. – И уже в порядочном раздражении я рывком достала из сумки папку с документами и положила перед собой на стол, больше себе, чем ему, подтверждая свои слова и серьезность намерений.

Краснин оторвался от созерцания чего-то сильно заинтересовавшего его на экране, снова удостоил меня задумчивым взглядом и неожиданно сказал:

– А у вас интересные работы, – и указал на монитор.

– Что вы там смотрите? – потребовала я разъяснения раздосадованным тоном и придвинулась к столу, пытаюсь заглянуть в экран.

– Здесь написано, что это снимки из вашего альбома «Неизвестный Урал», – ответил он и развернул ноутбук ко мне экраном. Снова напустив на себя снисходительный тон и улыбочку, спросил: – Вы и по Уралу так же настойчиво путешествовали?

– Вообще-то да, – честно призналась я и неожиданно разулыбалась.

Так вдруг без причины изменилось мое настроение, став чуточку бесшабашным, словно я уже точно знала, что все будет хорошо, все разрешилось и остается только посмеяться с облегчением.

– Там тоже пришлось измором брать нескольких важных дядек, не пускавших меня в разные экспедиции, и доказывать, что я что-то все-таки могу.

– Красивые фотографии, сильные, – похвалил искренне он, пролистывая на компе те снимки, которые были там выложены.

Далеко не все и, с моей точки зрения, не самые лучшие, но я размещением своих работ в Сети не занимаюсь, а плачу за это специальным ребятам, которые ведают моим сайтом и размещением фотографий и необходимых данных обо мне в других информационных проектах и рекламах.

– Тут сказано, что вы получили несколько призов за ваши работы, – развернув назад к себе ноутбук, продолжил он изучение моей странички, – и участвовали в международных выставках в Европе.

– Не я участвовала, а всего несколько моих работ, – скромно уточнила я.

– Увы! – почти радостно произнес Краснин, оторвался от экрана и повернулся ко мне. – Вы очень целеустремленная девушка, но фотографы, даже такие талантливые и симпатичные, как вы, Павла Александровна, нам в экспедиции не понадобятся.

– А кто вам понадобится? – живенько ухватила я за его легкую оговорку.

– Уже никто, – сочувственно развел он руками. – Повторюсь в который раз, группа полностью укомплектована. Обратитесь к начальнику отдела ВАЭ, они обязательно зачислят вас в следующую экспедицию. Тем более у вас есть все сопроводительные документы.

– А все-таки какие специалисты вам нужны? – повторила я свой вопрос, сама не знаю почему.

– Я же уже объяснил, что никакие, – заметно напрягся он от моей бесцеремонной настойчивости, но снизошел до разъяснения: – Возможно, понадобится замена в младшем научном составе. Но на эту возможность в очередь стоят десятки студентов-старшекурсников и несколько аспирантов, то есть специалистов, умеющих выполнять научные лабораторные исследования.

– Так, может, я смогу выполнять научные лабораторные исследования? – весело предложила я в очередной раз свои услуги, так сказать, теперь в другом амплуа.

– Не можете, – как-то резко сник он, и заметно стало, что устал. – Для этого надо иметь специальное образование и допуски, только теперь иного рода. Образование фотографа, извините, к лабораторным исследованиям не имеет никакого отношения, даже умозрительного.

– Ну, я не всегда была фотографом, – разъяснила я предложение моей кандидатуры для временного трудоустройства. – Окончательно и полностью я поменяла профессию и стала заниматься фотографией только последние пять лет. А до этого я была биохимиком.

– Ке-ем? – совершенно обалдев, посмотрел на меня Краснин с большим недоверием.

– Биохимиком, – повторила я и даже немного оскорбилась. – Кстати, хорошим биохимиком. Я универ закончила с красным дипломом и аспирантуру, только защищаться не стала. И работала в лаборатории одной очень известной фирмы. Так что проводить лабораторные исследования я могу за милую душу и допуски имею по всем препаратам и категориям.

– Вы полны сюрпризов, госпожа Шротт, – покрутив удивленно головой из стороны в сторону, заметил Краснин.

– Да уж, – подтвердила я, как мне искренне казалось, очевидный факт и бодряком предложила: – Пал Андреич, а давайте сделаем и вашим и нашим, и споем и спляшем. Возьмите меня лаборантом, все необходимые документы я привезу. Вы получите классного лаборанта, вашему Трофимову не придется переживать, что он отказал Минобразования, тем паче там сейчас такой «веселый» министр, только шорох стоит на всю страну, а я сделаю свои снимки. А? И все довольны.

– Кроме человек двадцати, которые надеялись попасть на это место, – проворчал Краснин, открыл ящик, достал оттуда чистый лист бумаги, протянул мне через стол и огласил свое решение: – Вот что, Павла Александровна, сейчас вы напишете, когда и что закончили, и данные лаборатории той самой известной фирмы, где вы работали. И придете завтра часам к девяти утра. К тому времени я точно решу, что с вами делать. – И предупредил: – Но не советую питать больших надежд. Лучше вообще никаких надежд не питать, ни больших, ни малых. Я за то, чтобы вам отказать.

– А кто за то, чтобы не отказать? – спросила я максимально осторожненько.

– Тоже я, – усмехнулся Краснин.

Первым делом, выйдя из кабинета Краснина, я позвонила домой.

– Лидочка, как там у вас дела? – с замиранием сердца поинтересовалась я.

– Ну что ты переживаешь, Павлуша? – принялась в который раз активно успокаивать меня Лидочка. – Все у нас в порядке, дети играют, через час спать уложим. Не беспокойся ты так, делай свои дела.

– Он обо мне спрашивал? – чуть придушенным голосом спросила я.

– Да раз сто, если не больше! – хохотнула Лида и передразнила: – «Де мама? А засем в дугой голод? Мама кода венеся?» Хорошо хоть они с Ньюшей, это вы, девчонки, правильно придумали – им вместе веселее, играют хорошо так, да и он отвлекается от твоих поисков.

– Да, это мы хорошо придумали, – согласилась я, чувствуя, как немного отпускает внутреннее напряжение. – Дай ему трубочку.

Лидуша хмыкнула явственно неодобрительно, но вслух свои умозаключения произносить не стала, в трубке что-то зашуршало, послышался неразборчивый шепоток, а потом деловой и серьезный голосочек главного мужчины моей жизни, моего двухгодовалого сыночка:

– Але.

– Привет, солнышко, – улыбнулась я, чувствуя комок в горле.

– Мама, ты де? – с намеком на обиду и готовность заплакать спросил сынок.

– Я в другом городе, Архипчик, у меня здесь работа.

- Отоглафия? – спросил Архип.
- Да, сынок, фотография.
- Про лес?

Архипке очень нравится альбом моих фотографий «Неизвестный Урал», упомянутый сегодня Красниным, он его часто рассматривает и спрашивает взрослых по сотне раз: «А это те? А это те, такое делово?» И из наших рассказов он четко усвоил, что мама надолго и далеко уезжала, чтобы сделать эти фотографии, и теперь в его памяти сложилась ассоциация: если мама куда-то уезжает работать, значит, снимает фотографии про лес или про горы и реки, ах да, еще и про камни и цветы.

- Нет, солнышко, не про лес, про другое.
- Когда ты поедешь? – снова напомнил о готовности заплакать сынок.
- Наверное, завтра или через денек, – пообещала я не очень твердо.
- Завтра, – потребовал мой серьезный сын.
- Я постараюсь.

Я поговорила еще с Лидочкой, позвонила Ольге, рассказала о своих новостях и планах и побрела в гостиницу, решив пройтись немного, чтобы упорядочить мысли.

На фига я полезла в эту аферу?! Ну вот зачем мне какая-то там далекая Арктика у черта на куличках, на нулевой широте, вся во льдах и проблемах?

А?! Ну на черта?!

И оставить сына больше чем на месяц?! Да я никогда еще не расставалась с ним так надолго, да какое надолго!! Один раз по работе на два дня уехала, и все! Я даже представить себе не могу, как я проживу это время без него, я ж с ума сойду!

И ведь уперлась – вот надо мне, и все! Вот же зараза! Может, отступить? Ну действительно, ну на фига мне это? Что я, других цивилизованных мест не найду, куда можно с сыном поехать, если уж снимать приспичит? Да еще с этим Красниным зацепилась, мы же явно с ним диалог провели в русле «кто кого переиграет». И зачем мне все это? И Краснин этот... Ну посмотрела ты на него, послушала, оценила – и хватит! Домой, к сыну и своим VIP-клиентам!

Я не могу... отступить не могу. Твою ж дивизию!!

Я сидела с ногами на широком подоконнике высокого окна в гостиничном номере, привалившись к стенке спиной, обхватив руками колени, смотрела на поток машин на набережной, на Неву и, разумеется, крутила в голове, как заезженную пластинку, сомнения-размышления.

Гостиница располагалась в старинном здании на набережной, и номера в ней были стилизованы под позапрошлый век, немного вычурно, но лично для меня любой стиль, который бы они ни придумали и ни наворотили, компенсировали высокими потолками, большими высокими окнами и видом на Неву. Я люблю высокие потолки, чем выше, тем лучше, у меня создается впечатление воздуха, свободы дыхания и какого-то умиротворения от отсутствия сжатости пространства. А еще я люблю размышлять, стоя у окна или сидя на подоконнике и глядя на улицу.

Я поеду в эту замороченную экспедицию!

Я уже поняла, что поеду. Я бы все равно поехала, пусть не в эту, а в другую, в которую так настойчиво и радостно предлагал мне отправиться господин Краснин.

Но мне припекло именно в эту!

Может, потому, что она такая важная, долгая, интересная и труднодоступная? А может, из-за него... из-за Краснина? А вот о нем я сейчас думать не буду, у меня есть проблемы поважней.

Архип. Я, наверное, в две тысячи неизвестно который раз убеждала себя и повторяла мысленно и вслух, что я все замечательно придумала на время моего отъезда и он будет в надежных и любящих руках, окружен заботой и вниманием, но... Вы понимаете.

У меня странноватая семья.

Не так чтобы совсем уж беспредел какой с пьяной перетусовкой родственных отношений и бытовым криминалом, нет, конечно, боже упаси! Но странноватая.

Мой папа Александр Платонович Шротт женился на моей маме, Виктории Владимировне, когда ему было сорок четыре года, когда ему исполнилось сорок пять, родилась Глория, а в сорок восемь – появилась на свет я. Он уже был женат один раз, но развелся задолго до того, как встретил маму. Почему развелся, так и осталось для нас с сестрой тайной, ведь тетя Надя, как мы с Глорией всегда называли бывшую жену папы, стала для нас как родная. Она самый близкий и любимый друг нашей семьи и много помогала и делала для нас.

Это странно, но так и есть. Может, она нас так любила, потому что у них с отцом не было детей, а может, она его так любила всю жизнь, что не хотела расставаться и стремилась присутствовать в его жизни хотя бы в таком качестве?

Я не знаю и не берусь судить.

Отец – известный потомственный архитектор, не настолько, как его отец, наш дедушка, но весьма востребованный и очень даже успешный.

Когда он встретил маму, она только что закончила Суриковское, вся такая молодая, гоношистая и бесшабашная новоявленная московская художница. Что именно его в ней так зацепило, что он в первый же день их знакомства предложил ей выйти за него замуж, до сих пор не понятно никому из родных и близких. Но самое трагическое в этой истории то, что она сразу же согласилась на его предложение.

Ну да, она была красоткой такой своеобразной, совершенно безбашенной, постоянно крутилась в компании известных артистов, режиссеров, художников и писателей, бомонда того времени, кто-то из знакомых ввел ее в этот мир, и она там задержалась насовсем, даже пару раз присутствовала в компании, куда приходил Высоцкий.

И одевалась с большой претензией, похожая на раскрепощенную западную художницу, так что люди оборачивались, когда она дефилировала по улице Горького, нынче исторически восстановленной Тверской, в ярко-оранжевых брюках, бирюзовой блузке-разлетайке, в большой красной шляпе, вся увешанная украшениями, как елка новогодняя, и театрально выверенным жестом курила сигарету в длинном мундштуке.

Она на двадцать два года младше отца и настолько же далека от образа его жизни и понимания его. Они представляют собой двух совершенно не сочетаемых ни в каких ипостасях, запрещенных к совместимости людей, словно живут на разных планетах и пытаются разговаривать друг с другом, одновременно крича в рупор. А когда они встретились, там такие страсти разгорелись, что как Москва не вспыхнула – большая загадка!

Любовь выше Останкинской телебашни с безбашенными же поступками, на грани экстрима – и расставаниями, с криками и обвинениями не пойми в чем, сами потом удивлялись, что они там инкриминировали друг другу. Но неизменно и в эту их бесшабашную любовь и в расставания-примирения втягивали пол-Москвы свидетелей и участников.

То они любились в общественных местах, так что их арестовывала милиция, то отец засыпал ее цветами и подарками, громко читал стихи, пел песни, становился на колени в тех же общественных местах с купеческой удалью и размахом. То она танцевала ему под окном полуголая под луной, не обращая внимания на такую мелочь, как соседи отца по дому, выступавшие в качестве зрителей этого балета, в конечном итоге вместо оваций вызвавшие милицию. Да черт-те что творили!

То отец уезжал с вещами после бурной ссоры, и вслед ему летели из окна ватманы с его эскизами и работами, то мама «отбывала» под фанфары разборки на весь дом. Через день-два, максимум неделю они так же громко и страстно мирились, и весь дом теперь прослушивал

пьесу про их бурное воссоединение. И всегда на публике, и всегда присутствовали при этих постановках родные, друзья, близкие и незнакомые люди. Вот такая почти публичная любовь.

Отец признавался мне как-то, что он тогда, в тот год, словно не был самим собой, каким-то образом мама умудрялась доводить его до такого состояния, что он из собственного спокойного и рассудительного разума вылетал, не узнавая себя и поражаясь и себе, и своим поступкам. Словно человек, который пришел в себя после тяжелой пьянки и вспоминает все, что натворил вчера, и не знает, куда деться от стыда.

Лет в пять я уже четко понимала, что мама постоянно «в роли». Вернее, большую часть времени «в роли». Я очень точно могла определить, когда она искренняя, настоящая, что ли, а когда играет, изображает жизнь. Что играет, почему? А бог знает, это ее воздух, смысл и суть жизни – всегда что-то изображать. Папа говорит, что это театральная бацилла.

Несколько лет мама пыталась доказать всему миру, что она гениальная художница, мир не оценил по достоинству этих попыток, и в результате она нашла применение своему таланту как театральным художником и по сей день работает в одном известном театре Москвы. Кстати, она на самом деле талантливый художник и несколько раз получала премии за выдающиеся декорации к спектаклям, что только усугубляло ее «диагноз» актрисы в жизни.

О господи, если бы вы только знали, какой это иногда бывал кошмар!

Остановить ее невозможно, если она что-то играет, то все – трюндец, играет!

Роль заботливой матери ей как-то не пошла. Оказалось, не ее амплуа. Она ее и так и эдак пробовала и примеряла – но не то, не то: страстей маловато, а самоотдачи требует много. И нами с сестрой в основном занимался папа и, как ни странно, тетя Надя, его первая жена, и бабушка Лена, мамина мама, но она умерла, когда мне было шесть лет, а Глории девять. Но «занимались» – это громко сказано: не забывали, что есть дети и их надо кормить, одевать-обувать и в садик-школу отправлять.

Папе заниматься маленькими детьми было тяжело, и возраст, и он очень много работал, так что для нас постоянно нанимали каких-то теток, домработниц и нянек в одном лице, но это дорого стоило, и тетки то появлялись, то пропадали, в зависимости от того, как папа зарабатывал в какой момент.

А еще с нами жил дедушка Платон, вернее, это мы с ним жили, потому что квартира принадлежала ему. Дедушка был совсем старенький, но заслуженный сильно, за ним ухаживала его личная индивидуальная сиделка, хотя он и был не лежачим или немощным, а вполне бодрым, в полном разуме и жизненном тонусе.

Дедушка обитал на своей половине квартиры, в которую имелся отдельный вход со двора, активного участия в быте семьи он не принимал, но едко и точно комментировал все происходящее и маму нашу не то чтобы не любил, но очень четко понимал ее суть, характер и претензии к жизни. Мы с Глорией его обожали, и это чувство было глубоко взаимным. Мы частенько сбегали на его половину от родительских страстей и их вечных компанейских кухонных посиделок с друзьями и отсиживались с дедом в его кабинете или в гостиной. Евгения Борисовна, его неизменная помощница, подкармливала нас вкусностями, а дед Платон рассказывал нам необыкновенные истории и показывал старинные художественные альбомы.

Дед умер, когда мне было семь лет, и мне казалось, что рядом со мной рухнул и исчез целый мир, провалившись в бездонную черноту. И я несколько дней так сильно плакала и никак не могла остановиться, что совсем разболелась, а по ночам мне снилась пропасть, куда рухнул этот мир, и я все звала и звала деда и страшно боялась этих снов. А потом как-то они исчезли сами собой.

И все это – и мама вечно в роли, и папа в работе, и их постоянные разборки и выяснения, и тетя Надя, и вереница меняющихся нянек-домработниц, и друзья родителей, и старенький дедушка Платон – крутилось бесконечно и варилось у нас дома, и мы с сестрой в этом жили и росли.

Зато родителям и их друзьям у нас было весело!

Гости не переводились. Мы жили в центре, в старой квартире, наша часть которой состояла из двух больших комнат и крошечного закуточка, где стояла моя кровать, и просторных кухни, ванной и туалетной комнат.

Но не в метраже дело!

Восьмидесятые годы, ни тебе Интернета, ни тебе иной доступной широкой информации – люди общались! Это классно! Собирались компаниями, обсуждали новые книги, фильмы, театральные постановки, выставки, спорили – здорово!

Кроме одного момента.

Собирались эти компании у тех, кто жил в центре, – удобнее всего, зашел как бы мимоходом, вот «вспомнил» и зашел, чайку попить, поболтать, и метро рядом! Место нашей прописки как раз попадало под эту удобную дислокацию, и гости стали какой-то постоянной величиной у нас в доме, менялось только их количество, так что маме повезло – у нее всегда имелись зрители!

Утром, чтобы нам с Глорией собраться – мне в садик, ей в школу – и позавтракать, приходилось переступить через спящих на разложенных матрацах на полу в кухне. Взрослым, наверное, это было и на самом деле очень здорово, такое общение, между прочим, как правило, с бутылочкой и табачным дымом коромыслом, гитарой и магнитофоном. А вот нам, детям, ничего не понятно было из их обсуждений и громких разговоров, да и неинтересно, и достали они нас до не знаю чего – ни поесть толком, ни в туалет попасть, когда хочется и приспичило, ни позаниматься спокойно.

Глория стала самостоятельной лет в двенадцать, когда переменялась жизнь не только в стране, но и в нашей семье, а я повзрослела годам к тринадцати. И мы справлялись с собственной жизнью и ответственностью за нее. Нет, разумеется, мы не были брошенными и забытыми детьми – нас любили, заботились, как умели, баловали и даже потакали редким капризам. Но помнить и следить за тем, что надо пообедать или поужинать, что нужна новая одежда, или обувь, или тетрадки и учебники, или надо сходить в поликлинику... и за всеми остальными бытовыми делами и вопросами теперь приходилось нам с сестрой самостоятельно.

Жизнь изменилась. Пришли девяностые.

Вот как раз в девяносто втором году, когда Глории было двенадцать, отец ушел жить отдельно.

Нет, не развелся с мамой и не бросил нас, а просто переехал в мастерскую мамы, которой она не пользовалась, но которая ей полагалась как художнику. А позже, где-то через годик, тетя Надя выхлопотала для него вполне приятную однокомнатную квартирку рядом с мастерской. Уж как у нее это получилось, никому не известно, если учесть, что наша-то квартира досталась отцу от деда. Ну, вот получилось. А нам с сестрой по малолетству такие подробности были неинтересны, да и непонятны.

Почему ушел? От перебора эмоций люди умирают. В какой-то момент у отца такхватило сердце во время их с мамой очередного классического «разговора», что он испугался и вполне реально понял, что может умереть.

Они до сих пор так и живут – он у себя, она у себя, встречаются каждые выходные или реже, страсти немного поутихли, но запала им пока хватает, так что регулярные ссоры и примирения еще не исчезли из их жизни. Теперь к ним добавились мамины сцены ревности и ее же внезапные «инспекторские» проверки отцовской квартиры на предмет выявления в ней посторонних женщин.

Люди продолжают жить страстями. Для меня их отношения так и остались загадкой, ведь отец весьма спокойный и рассудительный человек, кстати, с известным именем и заслугами, уважаемый в сообществе коллег и заказчиков, а как встречается с ней – и по-нес-лась! Вот откуда и что берется?

Вне ее присутствия общаешься с ним – ну все вопросы можно решить и любые проблемы обсудить, придумать, как лучше с ними справиться, и поговорить обо всем, и выслушаешь его глубокое интересное мнение, и поддержку найдешь и понимание, и помощь любую, но... стоит на горизонте появиться маман – и куда девается вся его спокойная рассудительность! Парадокс! Вообще нечто! И главный парадокс в том, что не расстаются же!

Разумеется, когда встал вопрос о моем заполошном отъезде, в тот же момент возникла проблема – на кого оставить Архипку. Мама, как вы уже, наверное, поняли, роль бабушки отказалась осваивать, да никто бы и не дал. Папенька, понятное дело, в этом не компетентен, да и разговора быть не может, это даже не обсуждается! Семьдесят восемь нынче ему, очень солидный возраст, но он у меня еще молодцом! И все еще красавец мужчина, на которого до сих пор заглядываются женщины. Тетя Надя его на три года младше и прибалчивает последнее время, правда, предложила свою помощь в подборе и найме временной няни.

Ну нет, чужому человеку я своего ребенка не доверю!

А тут Лидуша вызвалась. Лида – это бывшая подруга нашей мамы, с которой она разругалась навсегда лет эдак десять назад. Я лично ни у той, ни у другой выяснять и спрашивать не собираюсь, что у них там произошло и послужило причиной ссоры. Мама любит – так взалхлеб, расстается – так трагично навсегда, влюбляется в других людей, а после вычеркивает их из жизни – и все на пределе, все чересчур много и громко, и... и бог с ней.

К сути. Нам с Глорией Лидочка, или Лидуша, как мы ее почему-то часто называли, всегда очень нравилась, может, потому, что она была нормальная, заботливая тетка, которая если оказывалась у нас в гостях, то обязательно принималась что-нибудь готовить – сделает вкусностей всяких, и накормит, и расспросит про наши дела, и поможет в чем, если обратишься. А потом она исчезла из нашей жизни. И через много лет, когда Глория переезжала в свою квартиру, обнаружилось, что Лидуша живет рядом. Вернее, не совсем так – она присматривала за одной старушкой, соседкой Глории по подъезду, некогда богатой и знаменитой, теперь же старой, одинокой и больной, но все еще немножечко богатой и завещавшей эту свою квартиру Лидочке.

И как-то естественно и незаметно она снова вошла в нашу с Глорией жизнь и поддерживает и помогает, чем может. Старушка, за которой она ухаживала, давно и мирно упокоилась, энергии в Лидочке более чем хватает, и она сразу же вызвалась помочь мне и взять на себя заботу об Архипе.

Естественно, я с радостью ухватилась за это предложение, но... Весомое «но» все-таки имелось – она просто не управится одна с Архипом. Он у меня мальчик разумный, развитый, обстоятельный такой, но очень любопытный. И иногда на него находит такая неугомонность в освоении и познании мира, что он включает какой-то дополнительный моторчик внутри, и за ним просто не угнаться – стоит отвлечься на мгновение, а он уже куда-то влез, или убежал, увидев нечто сильно заинтересовавшее его, или забрался черт-те куда! Думаю, родители этих малолетних чудовищ меня понимают.

Лида – мамина ровесница, ей пятьдесят шесть, и при всей ее бодрости и спортивности духа с таким «Вжиком» ей не управиться, да и тяжеленький он, не натаскаешься, я-то привыкла, мышцы себе уже знаете какие накачала за два-то года!

И именно в этот самый нужный и сложный момент одна моя хорошая знакомая, подруга, хоть и не близкая, но давно друг друга знаем, так вот она обзванивала друзей и знакомых, искала квартиру в аренду на небольшой срок. Ее муж затеял ремонт, и у их дочки Ани, которую все зовут Нюшей, обнаружилась тяжелая аллергия на что-то там строительное, а родители их живут не в Москве... ну понятно. В общем, мы нашли друг друга, вовремя и обоюдно очень удачно. К тому же третьей в этой компании имеется и моя домработница Галина Максимовна,

которая Архипчика просто обожает и балует нещадно, приходится частенько строго остужать и останавливать эту ее чрезмерную любовь.

Все это прекрасно, и можно быть совершенно спокойной – мой ребенок остается в надежных любящих руках. Но ведь без меня! А я без него! И я просто не представляю, как я смогу пережить такое долгое расставание с ним! Не представляю!

Может, все-таки отказаться и наплевать на эту экспедицию? Ну хоть один раз в жизни, да бог с ней, с моей затеей, а?

На следующее утро ровно в девять я стояла у дверей кабинета доцента Краснина Павла Андреевича совершенно спокойная, как полный божий штиль после страшной бури.

– Доброе утро, – энергично поздоровался Краснин, выходя из-за угла коридора и увидев меня.

– Доброе, Павел Андреевич, – вторила я ему, сохранив деловитость настроения.

Он отпер два дверных замка – электронный и механический, распахнул дверь, жестом пригласил меня войти и, пропустив даму вперед, зашел следом и расширил степень своего гостеприимства:

– Присаживайтесь, Павла Александровна.

Мы повторили вчерашнюю процедуру – я в посетительское кресло, он в свое хозяйское, и, взяв в руки сверху левой стопки деловых бумаг папочку с моими документами, которую я вчера оставила ему для изучения, Краснин без проволочек и лишних «марлезонов» огласил свое решение:

– Вы будете зачислены в состав экспедиции в качестве одного из лаборантов, если не позднее завтрашнего дня представите документы о своем образовании и имеющиеся у вас допуски. Заниматься фотографией вы сможете только в свободное от работы и ваших обязанностей время. Такой расклад вас устроит?

– Вполне, Павел Андреевич, – уверила я, не удержавшись, разулыбалась и поинтересовалась: – И кто принял окончательное решение по моей кандидатуре?

– Вообще-то я, но Олег Александрович и руководитель ВАЭ с внесенным вами предложением «и вашим и нашим, и споем и спляшем» были солидарны, да и кураторы экспедиции вполне согласны с такой заменой в составе.

– Спасибо, – искренне поблагодарила я.

– Да за что? – усмехнулся Краснин и откинулся на спинку кресла. – Вы вообще понимаете, на что так настойчиво и с большим упорством подписались, Павла Александровна? Вам предстоит много работы, и не только лаборантской, традиционно у нас младший научный состав выполняет множество дел и поручений. А как вы переносите качку? У вас нет морской болезни? А холод и постоянный ветер? А проживание в маленькой каюте вчетвером и полная невозможность уединения? И еще масса «сюрпризов» такого же порядка, с которыми вам придется сталкиваться. Вы уверены, что готовы к этому?

– Ничего, Пал Андреич, я потерплю, – уверила я, не испугавшись предупреждения.

– Посмотрим, – прозвучало в его голосе нечто туманное, но очевидно предвещающее грядущие неприятности. Поменяв позу, Краснин облокотился о стол, взял папку с моими документами, пролистал ее и задал следующий вопрос: – У вас маленький ребенок, вам есть на кого его оставить? Как только мы отойдем от причала, будет поздно передумывать, и если вы станете постоянно беспокоиться о ребенке, это может отразиться на вашей работе, и не только на ней. Есть еще и такая вещь, как психологическая атмосфера в коллективе, который замкнут на продолжительное время в одном пространстве. И ваше настроение вполне может передаваться участникам экспедиции и сказаться на общей работе.

– Мой ребенок в полной безопасности и находится с родными людьми, так что мне беспокоиться не о чем. Разумеется, я буду ужасно по нему скучать, но на работе это не отразится,

обещаю вам. И перестаньте меня пугать и страшать, Павел Андреевич, решение уже принято и мной и вами, осталось только воплотить его в жизнь.

– Ну, идите, воплощайте, – не самым довольным тоном напутствовал он, протягивая мне папку с моими документами и еще какой-то лист. – Сейчас вы пойдете в координационный штаб экспедиции, вот здесь все написано: куда и к кому, они уже в курсе про замену Вилковой на вас. Возьмете расписание подготовительных мероприятий, они вам объяснят, где, что и когда будет происходить. – И попрощался, тоже без особой радости в голосе: – Ну что ж, удачи вам, госпожа Шротт.

– И вам того же, – не удержалась я от легкой формы ерничества.

Следующие десять дней превратились для меня в сплошное, непрекращающееся действие, в котором стремительно неслись дела, обязанности, люди, города-вокзалы, и мне казалось, что этой карусели нет конца.

Несколько раз я смотрелась в Москву в перерывах между бесконечными многочасовыми инструктажами по технике безопасности, учениями по той же безопасности, сдачами каких-то нормативов. И это еще не все! Общий стол со всеми участниками экспедиции, подробные инструкции по маршруту и задачам, в конце мероприятия меня представили как нового члена экспедиции.

Вас не сильно удивит, что некоторые участницы предстоящего морского тура, из состава младших научных сотрудников, не очень-то мне обрадовались.

Ну что ж, посмотрим, как там дальше пойдет. Даже интересно!

А пока... снова какие-то занятия и инструктажи. Я приходила в гостиницу поздно вечером, валилась в кровать и засыпала в момент, просыпалась по будильнику, и мне казалось, что все еще продолжается вчерашний и позавчерашний день и никак не может закончиться. И я тащила в душ, где пыталась проснуться и понять, какое сегодня число, и вспомнить, какое расписание предстоит.

Но все имеет свойство рано или поздно заканчиваться, даже бесконечные инструктажи и занятия. Я получила комплект спецодежды, состоящий из лыжного костюма, то есть комбинезона и куртки ярко-алого цвета с небольшими серыми вставками для красоты, и упаковку всяких дополнительных вещей.

А вы знали, что уже много лет верхняя одежда, а также надувные и спасательные лодки для путешествий за Полярным кругом обязательно должны быть красного цвета? Ведь он имеет самую большую длину волны – это я от наших ученых уже понабралась за последние дни плотного общения, – а по-простому – потому что он самый заметный на черно-серо-белом фоне полярных просторов и виден издали. Ах да, еще приемлемы неестественные цвета типа «вырви глаз», ну, такие ядовито-яркие.

Когда я увидела судно, на котором нам предстояло отправиться в плавание, то испытала нечто близкое к потрясению!

Нет, разумеется, как человек современный и крайне любопытный, я посмотрела в Интернете информацию про это судно, и прочла его биографию, и порадовалась и подивилась современной оснащенности научной аппаратурой последнего поколения. Но с параметрами кораблика как-то не ознакомилась, неосмотрительно пройдя мимо этого факта. Мысленно корабль представлялся мне таким миленьким, небольшим, уютным и почему-то пузатым суденышком, красненького цвета, с длинными антеннами спутниковой связи, гордо устремленными ввысь, как реи над старинным парусником.

Но когда я увидела огромное, мощное, гордое, строгое и красивое современное судно с белыми палубными надстройками, напоминающими высотный дом, выстроенный прямо посередине корабля, то так и застыла на причале, запрокинув голову вверх и рассматривая его с большим удивлением и еще большим почтением, так впечатлилась!

– Вижу, вы по достоинству оценили наше судно? – услышала я справа чей-то веселый голос.

Краснин. Я практически не видела его эти последние десять дней. Пару раз он выступал на общем собрании коллектива, несколько раз я встречала его в коридорах и мельком на организационных занятиях – весь в делах, весь в делах, аки пчела!

Ну вот, не могу удержаться! Все-то я мысленно язвлю в его адрес. Как-то это не совсем нормально.

– Да, Пал Андреич, – дружески поделилась я впечатлениями, – оценила и даже опешила немного от такой красоты.

– Да, кораблик у нас что надо, – порадовался он моим непосредственным эмоциям и тоже очень по-дружески предложил: – Ну что, идем, поднимемся на борт нашего временного дома?

– Идемте, – вздохнула я, словно нырять куда собралась.

– Давайте я вам помогу, – предложил он, забирая у меня сумку с ноутбуком, и поинтересовался: – Почему вы не отправили со всеми своими вещами на борт?

– Отправила. Но аппаратуру и компьютер я всегда ношу сама, это мои средства производства, и притом весьма хрупкие и ценные.

– И весьма тяжелые, – дополнил он, снял у меня с плеча и перевесил на свое кофр с камерой.

Тяжелые – это он правильно заметил. И хорошо так тяжелые – два больших кофра с двумя камерами и оптикой и ноутбук. Не розовенькая книжонка со стразами для электронной почточки и контактов и картиночек в инете, а серьезный агрегат последней модификации, у меня там стоит профессиональное графическое программное обеспечение, трехмерные редакторы и еще парочка непростых программ, так что только такой монстрик и может потянуть. И отношение у меня к нему столь же серьезное и с нужным почтением и уважухой, и зову я его Ричардом. Он, понятное дело, сам-то не очень много весит, но в портфеле вместе с ним я ношу и другие гаджеты, планшет, например, да еще несколько аккумуляторов, шнуры, много дисков разного назначения, флешки – в общей массе набирается весьма чувствительно.

Каюта, в которую меня определили, находилась в нижнем отсеке корабля, но, снова удивив меня, была вполне симпатичной, уютной и даже комфортной для предлагаемых условий. По аналогии с купе в поезде в ней располагались четыре койки – две внизу, две наверху, но были они куда как шире и длиннее, чем их железнодорожные сестрицы. Да и просторнее в каюте намного, нечего и сравнивать.

В широком проходе между койками, под внушительным иллюминатором, большой удобный столик с откидным механизмом, четыре складных стула возле него, вешалки для верхней одежды и полки для обуви по обеим сторонам от двери, за ними два одежных шкафчика, справа за ними небольшой столик и зеркало на стене над ним, слева двойная секция ящиков, что-то вроде двухэтажной тумбочки. Над входом под потолком и над верхними койками небольшие открытые антресоли – вот и вся обстановка. Душевые установки, несколько туалетных кабинок и умывальники общие, по коридору через две каюты от нашей. Правда, вполне современные, прекрасно оборудованные и удобные. Кажется, Краснин предупреждал про трудные условия и отсутствие уединения. Ну и вот, пожалуйста. Да, не отель «пять звезд».

Позже я узнала, что большинство кают на этом современном судне составляют вполне комфортные номера на двух человек, с двумя нижними полками, письменным столом и небольшими ванно-туалетными отделениями, а четырехместных всего две. Их редко используют, только когда, как в нашем случае, пассажиров больше, чем обычно, но это потому, что несколько групп ученых высадутся, чтобы остаться на островах работать. Меня, по всей видимости, засунули в одну из этих кают в виде наглядного нравоучения за излишнюю настойчивость, ну и немного «фи» в сторону моих знакомых из Минобразования. Так есть за что, скажу я вам!

А может, и без всякого подтекста – людей-то действительно набралось много, а я в последний момент нарисовалась, вся такая фифа столичная с претензией.

Нашу же каюту мне выпало делить с молодым ученым зоологом, кандидатом наук Зинаидой Мишиной, тоже москвичкой из МГУ, мы с ней уже познакомились и даже успели понять, что понравились друг другу. Еще с нами будет проживать Верочка с красивой фамилией Осенняя, очень милая и немного застенчивая девочка, она геолог, аспирант и прошла непростой конкурс, чтобы попасть в эту экспедицию в качестве младшего научного сотрудника. Ну и девушка Анжела Куренская, четвертая квартирантка этого барака. Студентка пятого курса, тоже конкурс осилила, как и Верочка, но по специальности геофизик, одна из лучших учениц Краснина.

И звезда, не облетишь! С большой претензией, норовом, замашками королевишны, ну, и ра-зу-ме-ет-ся! – с заявкой на особое внимание, желательно близкое и исключительное во всех отношениях, Павла Андреевича к своей прекрасной персоне. Как сказал Свирид Голохвастов из пьесы «За двумя зайцами»: «Какая Галя не захочет вояж со мною иметь?»

Ото ж! Чую, нам с этой Анжелой еще тот вояж предстоит. Ну, не будем нагнетать раньше времени.

Уже на следующий день прямым и неплановым экспериментальным путем выяснилось, что я обладаю великолепным вестибулярным аппаратом, позволяющим всерьез задуматься о карьере космонавта, и полным отсутствием морской болезни.

Штормило, знаете ли.

Как только мы вышли из Белого моря и обогнули мыс Канин Нос, началась, как говорят моряки, болтанка: это когда не огромные волны и ураган, а ветер, задувающий в разных направлениях и гонящий небольшую волну с разных сторон, которая сильно раскачивает судно. Господа ученые дружными рядами полегли по койкам с тяжелыми приступами слабости и тошноты. Медики тут же раздали всем препараты от морской болезни, но никто из страдальцев так и не рискнул подняться и уж тем более принимать какую бы то ни было еду.

Болтать начало перед рассветом, и, проснувшись утром и встав с постели, я немного удивилась, что не приходится сталкиваться и тесниться с соседками, но, отметив сей факт, не придавала ему особого значения. Заметила только, когда умывалась, что качает больше вчерашнего и умываться неудобно, приходится держаться одной рукой и стараться балансировать на ногах. Но я справилась без особых затруднений и, вернувшись в каюту, по-утреннему живенько поинтересовалась у девушек:

– А вы что, на завтрак не собираетесь?

– А-а-а, – страдальчески промычала Верочка и свернулась калачиком.

Зинаида принялась поспешно выбираться из койки, постанывая, суетливо шаря ногами по полу в поисках тапочек, и пулей выскочила из каюты. Я заподозрила нечто неординарное, но все еще тупила понемногу, отчего и спросила пока не проявившую себя никак Анжелу:

– Вам что, плохо?

– Нет, блин, хорошо! – зло отозвалась девушка, но до пояснений снизошла: – Ты что-нибудь про морскую болезнь слышала?

– Ах, в этом смысле? – поняла я и заметила: – Так вроде не сильно и качает.

– У-у-у-у! – простонала на сей раз Анжела и гораздо стремительнее, чем Зинаида, убежала из каюты.

Эта добежит, точно. Быстрая такая девочка.

А я отправилась в столовую. На нашем корабле не сочетали кают-компанию и столовую, как принято на большинстве небольших судов, а разделяли эти два помещения, я ж говорила – большой кораблик. Здесь вообще все было современно и комфортно, практически как на

круизном лайнере – и тебе большой спортзал, и баня с сауной, и даже бассейн с морской водой, и лифты, на минуточку.

Прекрасно оборудованная столовая имела в дальнем правом углу еще и буфетно-барную стойку, где всегда можно было что-то заказать перекусить, выпить кофе-чай. Спиртное в экспедиции было запрещено для свободного и каждодневного доступа, но обещано в небольших дозах в особо выдающиеся дни. Чем выдающиеся, мне так толком никто и не объяснил.

А под кают-компанию было отведено просторное помещение с экраном на стене над небольшой сценой и проектором на другой стене, можно и фильмы смотреть, а можно демонстрацию нужных научных материалов проводить.

Конференц-зал легко превращался и в банкетный, и в танцевальный, так как стулья и небольшие круглые столики хоть и крепились хитроумно к полу, но легко демонтировались и убирались. В дальнейшем именно здесь и проводились все обсуждения, выступления, «разборы полетов» и заседания.

Вдоль стен были устроены небольшие уютные полукруглые диванчики, у которых стояли столики, где можно удобно посидеть и поработать за компом или с документами или вести переговоры небольшими группами. Здесь тоже имела барная стойка, предоставлявшая возможность и перекусить, и те же чай-кофе, соки заказать. Кстати, имелся на судне и бар, вполне уютный и удобный.

Еще одно помещение поменьше было отведено под библиотеку и видеотеку и оборудовано удобными креслами и диванчиками для отдыха, чтения, разумеется, работы и общения, а также несколькими компьютерами. В общем, вы поняли – жить не просто можно, а можно с наслаждением и разнообразием!

В столовой оказалось совсем немногочисленно, чему я тайно порадовалась – еще успею наобщаться с кучей народа, а так хорошо – тихо и несуетливо, только бубнит что-то огромная телевизионная плазма про новости страны.

С удовольствием позавтракав в таком приятном настроении, я решила поработать в кают-компании, чтобы не травмировать нервы соседок своим слишком здоровым и радостным видом и не чувствовать себя виноватой на фоне их зеленых лиц.

Прямливая неразборчивой скороговоркой пожелание им быстрее выздоровления, я прихватила сумку с Ричардом и, приложив определенные усилия, чтобы не удариться и не свалиться, – штормило все ощутимей, однако, – поднялась на верхнюю палубу в кают-компанию. Здесь народу так совсем, почитай, не было, человек пять, не больше, даже буфетчицы за стойкой не наблюдалось. Мы мило поздоровались с такими же счастливыми, как я, обсудили болтанку и состояние товарищей со скрытым удовлетворением здоровых людей и занялись каждый своими делами.

Работы у меня всегда хватало: чтобы, так сказать, выпустить готовый кадр, его надо не только снять и перенести в компьютер, его надо тщательно и желательно талантливо обработать – светотени, мелкие детальки и штрихи, любые огрехи, что-то усилить, что-то притушить, как нарисовать картину.

Есть еще наборные работы, когда монтируется одна фотография из нескольких, ну это как подсказывает творческая фантазия автора или неумная – заказчика. Словом, кропотливый труд, интересный очень, но и сложный, порой тяжелый, когда засиживаешься за компом, забывая о времени и о других делах, а потом спину разогнуть не можешь и голову повернуть из-за затекшей шеи.

Но это мое дело и моя радость творчества. Перед отъездом я провела две небольшие фотосессии для богатых заказчиков с мудреными претензиями: одни просили большой портрет в интерьер, другие – серию из нескольких портретных работ. Вот теперь с этим материалом и предстояло потрудиться.

– Значит, одно из моих предупреждений можно смело забыть: морской болезнью вы не страдаете, – услышала я над головой знакомый голос

Краснин выглядел как начищенный пятак и бодрый спортсмен после приятной пробежки и душка, и, судя по его здоровому виду, напрашивался естественный вывод:

– И вы, как я понимаю, тоже с ней разминувшись.

– Да, повезло.

– Вот уж точно, – согласилась я, – особенно если учесть, что вам часто приходится бывать на кораблях.

– Приходится, – кивнул он и жестом спросил разрешения устроиться на диване рядом. Я кивнула, он присел и продолжил мысль: – Но это народ так прибило, потому что плавание только началось, через недельку уже многие привыкнут, да и шторма у нас впереди не ожидаются. – И поинтересовался: – Чем занимаетесь?

– Работой.

И я рассказала ему и даже принялась показывать, как я что делаю, он смотрел и слушал внимательно, с большим неподдельным интересом.

– У меня стоят специальные профессиональные программы, – пояснила я. – У вас наверняка тоже нехилые программочки в компе и трехмерка есть, я обратила внимание, что он у вас не менее мощный, чем мой.

– Стоят, – подтвердил он. – Нам, слава богу, их установление оплачивают, иначе не представляю, где бы и как бы мы их добывали.

– Как где, – поделилась я знаниями, – там же, где и я: и за милую душу, и раза в три дешевле. Каждая лицензионная, даже говорить не буду сколько стоит, а то сама испугаюсь. – И я наигранно загадочно подняла один палец, делясь «секретом». – Но у меня есть одни замечательные знакомые ребята, парочку программок они мне «честно» хакнули, а остальные пришлось по номиналу покупать, долги год отдавала.

– Чего ни сделаешь ради искусства, – поддержал мой шуточный тон Краснин и, сменив интонацию, напомнил: – Кажется, вы мне обещали показать некий предмет, который подвиг вас на эту экспедицию?

– Точно! – спохватилась я и подскочила с места. – Вы тут посидите, Пал Андреич, а я быстренько в каюту сбегаю и принесу.

– Ну нет, давайте-ка я вас провожу, а то болтает все сильнее, – предложил он, вставая.

– Нет, нет, – остановила я его галантный порыв. – Я сама, а вы посторожите пока Ричарда, чтобы не упал.

– Кого? – не понял он.

– Мой комп, я его так с уважением называю.

Вообще-то это я от доброты душевной отказалась от его помощи, просто подумала мельком, как ужасно сконфузится Анжелочка, когда ее обожаемый Краснин лицезрит ее в столь непрезентабельном зеленом виде с позывами к рвоте. Да и Верочке с Зиной тоже будет неудобно. Хотя в каюту он и не зайдет, это понятно, ну а если девушкам понадобится мимо в туалет пробежать?

Нет, ну вот я какая заботливая и гуманная дамочка. Бываю. Иногда.

Мы с Красниным провели остаток этого дня вдвоем.

Так получилось. Все работы отменились стихией, даже за компьютером стало неудобно сидеть – приходилось балансировать корпусом, сохраняя равновесие, и держаться рукой за что-нибудь. Оставалось два варианта – общаться или смотреть телевизор, мы предпочли первое.

Я вручила ему американское издание «Полярной одержимости» Никлена, открыв ее на том снимке, который первым поразил меня: бело-голубой айсберг причудливой формы и белая чайка над ним. Фантастические цвета, движение, настроение!

– Вот, – передала я ему альбом. – Вы читаете по-английски?

– Читаю и говорю, – кивнул Краснин, с интересом рассматривая снимок.

– А, ну да, разумеется, – сообразила я элементарный факт, что ученый международного уровня, да и с докторским званием, не может не владеть английским в совершенстве. – Вот именно этот снимок произвел на меня сильное впечатление, – пояснила я. – Такое, что я тут же начала изучать все возможные фотографии про высокие широты. А это Пол Никлен, его известный фотоальбом. Это вам.

– Ну что вы, – покачал отрицательно головой Краснин, отказываясь и протягивая книгу назад. – Это слишком дорогой подарок.

– Ну я же не взятку вам предлагаю. – Я двумя руками подвинула назад к нему книгу и, хитро прищурившись, уточнила: – Хотя, может, и взятку. Берите, у меня дома есть еще один экземпляр. А мне хочется, чтобы вы имели этот альбом, может, посмотрев его, вы станете более серьезно относиться к фототворчеству.

– А почему вы решили, что я отношусь к нему как-то несерьезно или снисходительно? – принимая назад явно не без удовольствия книгу, поинтересовался Краснин.

– Ну, когда вы мне весело отказывали, в ваших словах звучала некая снисходительная надменность по отношению к моему занятию, – напомнила я тот наш разговор.

– Не к искусству фотографии, Павла, а к вашему настойчивому желанию посредством знакомых и связей попасть в экспедицию, – пояснил он, посмеиваясь и первый раз обратившись ко мне без отчества. И в глазах у него скакали такие провокационные чертенята, что как не ответить!

– Ну, если вы обратите внимание, где мы с вами сейчас сидим и беседуем, то согласитесь, иногда это срабатывает, – усмехнулась я.

– Ничего подобного, – тут же подхватил он подачу. – Не сидели бы вы здесь, если бы не ваше биохимическое образование.

– Вероятно, да, но начальная идея снимать Арктику пришла мне с этими фотографиями. – Я указала на альбом у него в руках. – А возможность хотя бы приблизиться официально к экспедиции появилась, когда я воспользовалась связями своих знакомых.

– И мы оба можем только гадать, что из этого получится в результате, – заметил неоспоримый факт Краснин.

А я ухватилась за такой плавный изгиб беседы в нужном мне направлении:

– А вот на этом месте и наступает момент моей просьбы и намека на подкуп, – скромненько озвучила я свою просьбу. – Я тут узнала, что на берег для исследований высаживают далеко не всех желающих. А младших научных сотрудников так и вообще не берут на берег, только на стоянках у жилья.

– Такова обычная практика, – подтвердил Краснин. – Нельзя высаживать большое количество людей, это опасно и мешает работе, вы же ходили на занятия по безопасности, и вам там все объясняли.

– Именно поэтому я с просьбой, – вздохнула тяжело я перед наглым запросом. – А можно меня брать на берег, чтобы я имела возможность поснимать? Это очень важно! Обещаю, сделаю полный фотоотчет об экспедиции и обо всех участниках, вполне официальный! Но мне необходимо снимать и на берегу. Ну, я не знаю, буду там за вами ружья носить или аппаратуру или чай-кофе из термоса наливать, хоть что-нибудь оправдывающее мою высадку делать. А?

Краснин посмотрел на меня с непонятым выражением лица и неожиданно рассмеялся:

– Нет, вы уникальная барышня! Вы всегда добываетесь своего?

– Нет, – очень серьезно и честно ответила я. – Но я стараюсь. Как говорилось в одном старом фильме: «Я женщина весьма решительного темперамента». Но ведь общеизвестно, что планы должны быть грандиозными, тогда получится реализовать хоть какое-то их количество.

– Я подумаю, что можно сделать, – не стал обнадеживать меня Краснин и удивил неожиданной просьбой, указав на Ричарда: – А у вас здесь есть ваш полный альбом «Неизвестный Урал»? Я бы хотел посмотреть.

– В самом компе нет, – быстро принялась объяснять я, указав ему жестом на портфель от Ричарда, который лежал возле него на диване, Краснин кивнул и передал его мне. – Слишком объемная информация, поэтому я держу его на отдельном диске, чтобы не перегружал Ричарда.

Я поставила и загрузила диск, повернула ноутбук так, чтобы Краснину было удобней, и, жестом указав на экран, предложила ему разглядывать мои работы. Он смотрел и задавал много вопросов – где сделано, когда, что за места и как я туда попала, как я вообще попала в экспедицию, и, продолжая пролистывать один снимок за другим, вдруг спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.